Эль Бланк
Институт фавориток
Фантастика • Любовный роман • Приключения

Эль Бланк
Институт фавориток

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51190211
Институт фавориток: Роман: Альфа-книга; Москва; 2020
ISBN 978-5-9922-3025-3

Аннотация

Я родилась, чтобы стать женой будущего императора, но мной распорядились как разменной монетой. Отдали тому, кому нужна была лишь власть, а я как приятное приложение к ней – в качестве любовницы. Впрочем, это только с виду я такая нежная и мягкая, характера мне не занимать, и за свое счастье я еще поборюсь. А когда выиграю, тем, кто мной манипулировал, мало не покажется. Я всех научу с трепетом и уважением относиться к статусу Наследницы империи!

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Эль Бланк
Институт фавориток

Глава 1
Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать

– Раз считаешь, что с тобой поступают несправедливо, – вкрадчиво-мягко и от этого страшно звучат интонации тяжелого мужского голоса, – докажи, что достойна иного к себе отношения… Дихол!

Негодующее восклицание, хлесткий звук рассекающей воздух плети, последующий негромкий писк и топот крошечных ножек по гравию. Все это в кромешной тьме воспринимается намного более остро. До неприятного холодка на коже. До покалывания в кончиках пальцев. До замирания сердца в ожидании… того, чего нет. Лишь тишина. Гулкая, вязкая, неприятная, долгая. И наконец насмешливое, гортанное, раскатистое:

– Ну? Что я сейчас сказал?

– Я не услышала, – шепчу едва слышно. Помогает мало – акустика у грота идеальная. Даже мой тихий голос усиливает, что уж говорить про нарочито громкий бас дяди.

– Вот! Ты бездарность! Пустышка! – триумфально и с нескрываемым возмущением на меня обрушиваются не самые лестные эпитеты. – И после этого смеешь заявлять, что не согласна с моим решением? Ли'Тон идет нам навстречу, делая такую уступку! Закрывает глаза на твою ущербность, а ты нос воротишь?! Неблагодарная! Да ты ноги ему целовать должна за то, что он вообще согласился связать с тобой свою судьбу! Думаешь, ты кому-то другому нужна? Да ни один здравомыслящий иперианин даже не посмотрит в твою сторону, потому что ты не можешь разговаривать с ним на ультри. А рооотонцы? Кто из них женится на девице, слепой, как угрица? Про зоггиан и речи нет, они не будут возиться с потенциальной утопленницей.

Новый, вспарывающий воздух щелчок, от которого я невольно вжимаю голову в плечи, хоть знаю, что не мне предназначены эти удары, и продолжение:

– Мало было Огине собственного печального опыта! Говорил я сестре, что ни к чему хорошему смешанные браки не приводят. Доказывал, что бредовые идеи твоего прадеда хороши только в теории. Нет, уперлась, жемарка! «Интересы империи превыше всего», – процитировал, ломая голос до женского. – Вот и получила… подарочек!

Презрительности в интонациях ощутимо прибавляется, однозначно для того, чтобы у меня не осталось сомнений: он именно свою «любимую» племянницу имеет в виду, а не что-то иное.

– В общем, так. Откажешься, и я устрою тебе такую жизнь, от которой тошно станет за несколько дней. Будешь умолять меня, чтобы я позволил тебе принять предложение цессянина! И не факт, что я соглашусь. Решай, у тебя десять минут, – припечатывает грозный голос и замолкает.

Некоторое время я слышу шумное дыхание, скрип камней под подошвами тяжелых сапог, шорохи ударяющейся о кожаные штаны плети, которую дядя наматывает на рукоять. Потом раздается хриплое, несдержанное «дихол», грузные шаги, и снова воцаряется тишина.

Отступаю, нащупывая за спиной каменный выступ, чтобы на него опереться. Паники, которая владела мной совсем недавно, больше нет, да и слезы уже закончились, остались только горечь и пустота в душе.

Он прав. В том-то и ужас, что дядя прав. В каждом слове и на все сто процентов. Мне не повезло. Я родилась уродкой. Нет, вовсе не в плане внешности, с ней-то у меня как раз полный порядок – и личико симпатичное, и руки-ноги на месте. Я о том, что у меня нет самого главного – расовых способностей. А без них на любой планете империи я буду изгоем, потому что… Да просто потому, что на этом основано выживание! И никакой общественный статус тут не поможет, скорее только усугубит ситуацию. Что, впрочем, и происходит.

Тихое шуршание сбивает с мысли, и я начинаю прислушиваться, стараясь определить, где же находится источник

звука. Вернее, сколько их, этих источников. Через мгновение уже чувствую, как по юбке, цепляясь за нее маленькими коготками и оттягивая ткань вниз собственным весом, забираются шигузути.

У меня плетки нет. И прогнать их я не могу. Впрочем, правильнее будет сказать – не хочу. Это только дядя их ненавидит, а я, как и все жители Рооотона, вполне терпимо и даже с любовью к ним отношусь. Эти маленькие, совершенно безобидные, юркие существа очень любят живое тепло, вот и стараются при любом удобном случае забраться на кого-нибудь. Отучить их невозможно, инстинкт у них такой. Если лечь спать, не закрыв решетками оконные проемы, то проснешься под одеялом из шигузути.

Дядю это безумно раздражает. Он же иперианин, а не рооотонец. Вот и разгоняет малышей хлесткими ударами плети, с которой не расстается. А на время сна запирается наглухо в своей спальне.

Со вздохом отцепляю от пояса массивный обруч со встроенным в него прибором ночного видения. Фиксирую на голове, чтобы не свалился, надеваю на глаза гермоочки с толстыми стеклами-преобразователями и включаю технику. Это разговаривать с дядей и видеть при этом его лицо мне совсем не хотелось. А общаться с шигузути приятно. К тому же они маленькие, и мне не хочется их случайно раздавить.

Вытягиваю руку, чувствуя, как по рукаву шустро и легко бежит к ладони гибкое тельце. И лишь когда проявляет-

ся изображение, любуюсь на лакированную черную шкурку, так разительно контрастирующую с моей практически белой кожей.

– Ну и что мне делать? – Я грустно улыбаюсь, поглаживая животное по голове, на которой есть крошечное светлое пятнышко на самом кончике носа. Эти пятнышки на разных частях тела – опознавательные, индивидуальные, то есть ни у кого не повторяются.

Вопрос мой, ясное дело, риторический. Разумности у этих малышей немного. Так что шигузути, коротко курлыкнув, принимается ловко протискиваться между пальцами, огибая каждый и щекоча своим длинным тонким хвостом. Играет.

Что делать, что делать?.. Соглашаться. Угрозы дяди не пустой звук, а я не в той «весовой категории», чтобы вступать с ним в противоборство. Он мой опекун, а я всего лишь наследница императорской династии. К моему несчастью – единственная, и поэтому даже совершеннолетие не позволяет мне свободно распоряжаться своей судьбой.

Пересаживаю обиженно пискнувшего малыша на уступ, снимаю с себя еще трех, занявших плечи, и, осторожно ступая по гравию, чтобы не раздавить тех, кто не успел проявить смекалку и сообразительность, иду сдаваться на милость дяди.

Это счастье, что он обошелся лишь нотацией относительно неприглядной правды и не припомнил мне мою истерику, побег из замка и однозначно не самые спокойные для него

шестичасовые поиски строптивой девчонки, которая спряталась в системе гротов. А ведь мог бы и за это наказать. Однако нет никаких гарантий, что он не сделает этого позже, когда домой вернемся.

– Я сказал, под замок!

Гневный голос дядюшки я слышу раньше, чем оказываюсь на открытом пространстве. И даже чуток притормаживаю, хоть и знаю, что время на исходе. Кого это он решил так радикально изолировать?

– Обеих! На сутки! И к Дейлине без моего разрешения не подпускать! – Ответ получаю однозначный.

Подружек моих. За то, что мое бегство прикрыли, вместо того чтобы на меня донести. Теперь даже попрощаться с ними не получится.

Вот оно, наказание.

Понуро опустив голову и поэтому не слишком присматриваясь к окружающему миру, выхожу наружу. Впрочем, тут особо и не на что смотреть. Прибор и очки позволяют хорошо и четко видеть только предметы, которые вблизи, а те, что дальше, теряют цвет, тускнеют и смазываются. Так что меня вовсе не прельщает темно-серая мутная даль. На остальное же – скалистый рельеф, маленькие водопадики и строго вертикальные стебли растущей в расщелинах дилимонии – я за эти часы насмотрелась.

Так что единственное, на чем останавливается мой взгляд, – это узконосые, но от этого не менее внушительные

черные сапоги. Которые немедленно отступают, и через секунду на их месте оказываются еще одни, ярко-зеленые. Первые принадлежат охраннику, вторые…

– Решила? – сурово, но все же относительно спокойно, словно не сомневаясь в моем решении, спрашивает их обладатель.

Киваю, и за проявленную сознательность даже комплимента удостаиваюсь:

– Вот и умница. Идем.

Мне на плечо ложится тяжелая мужская ладонь, сдавливая и вынуждая шагать рядом с родственником. Недалеко, правда. Сразу за каменным нагромождением, на ровной площадке, нас ждет скользушка – длинный транспортник, очень удобный для скоростных перемещений по равнинной местности. А еще вместительный, потому что помещается в нем с полсотни пассажиров. Впрочем, нас здесь намного меньше, так что сидим мы с дядей довольно далеко от водителя, а все сопровождающие лица вообще в хвосте разместились.

Мы сидим молча. Дядя сосредоточенно перелистывает страницы на своем переносном вильюрере. Я же, сняв прибор, всматриваюсь в темное небо, украшенное мелкой звездной россыпью. Сейчас не тот сезон, чтобы Лагс, Родс и Дарас – спутники Рооотона – поднимались над горизонтом. А без них на поверхности планеты практически непроницаемый мрак. Очки же на большой скорости не позволяют фокусироваться на каких-либо объектах за бортом.

Вот и остается мне прислушиваться к свисту ветра и наслаждаться тем, как теплый встречный воздушный поток треплет волосы и осязаемо-ласково скользит по лицу, оставляя приятное ощущение влаги, которое усиливается, едва под скользушкой оказывается не земля, покрытая плотной травяной подушкой, а простор совсем неглубокого, но обширного озера, дугой окружающего прилегающую к дворцу территорию. И ощущение это успокаивающее, расслабляющее, от которого я почти забываю о том, что мне предстоит. Лишь когда на горизонте появляются расцвеченные крошечными огоньками контуры внушительных зданий, вздымающихся высоко вверх, я вновь начинаю чувствовать беспокойство.

Мне ведь из дворца свободной уже не выйти. Понятно, что и раньше все приходилось согласовывать с дядей и не все желания исполнялись. Но ведь он, как ни крути, мой родственник. Да и не ущемлял меня, если уж быть честной. Это только если я проявляла характер, вот тогда и надавить мог, как сегодня, и наказать. Да и то, бывало, прощал и шел на уступки. А жених, он же будущий император, – совсем иное дело! У него ко мне никаких чувств, как и у меня к нему. Откуда они возникнут, если мы даже не виделись? Так что наверняка будет вести себя как диктатор. Увезет на Цесс, запрет в четырех стенах и…

В очередной раз ужаснуться тому, что ждет меня в перспективе, я не успеваю. Вильнув хвостовой частью, сколь-

зушка поворачивает, огибая ограждение, еще несколько минут медленно ползет, пока наконец не останавливается напротив парадного входа.

Без очков, в темноте, выглядит он завораживающе. Словно сеть, сплетенную из маленьких звездочек, набросили на арочный каркас, а потом отдернули в стороны, позволяя мягкому желтоватому свету, освещающему главный холл, заполнить собой небольшой фрагмент площадки перед дворцом.

Дядя, который успел снять свой прибор ночного видения, не дожидаясь, пока нам навстречу выйдут те, кому положено это делать, помогает мне спуститься на землю. И снова его ладонь сдавливает плечо, словно напоминая, кто тут главный. Впрочем, едва мы оказываемся в холле, хватка ослабевает. Да и рука исчезает, потому что теперь мой родственник вынужден использовать ее в ином назначении – для приветствия.

В торжественной тишине, которую нарушают лишь наши шаги, слышится шлепок ладоней друг о дружку. Смуглой и белой.

Первая тут же возвращается на мое плечо, вторая прячется за черный глянцевый кафтан, украшенный на бортах перламутровыми полосами. Длинный, почти по колено, даже голенища сапог под него уходят. Когда-то это была любимая форма моего отца, теперь его брат носит ее с тем же удовольствием.

– Нашлась, значит?.. – задумчиво-мягко спрашивает дядя

Ют. С некоторым сожалением даже. Я, конечно, не уверена, но мне кажется, что Тижина, одна из моих подруг, именно с его одобрения взялась устраивать мой побег. Ну не могла она без чьей-либо помощи провести меня через контролируемый безопасниками регента-императора запасной выход. А ведь именно в тот момент он так удачно оказался без охраны!

– Нашлась, – смешливо хмыкает дядя Джаграс. Сейчас его голос звучит совершенно иначе, нежели в разговоре со мной. Весело, иронично, беспечно. – Девочка перенервничала просто. И убегать больше не будет. Осознала, какое счастье упускает. Верно, Дейлина?

Он разворачивает меня лицом к себе, чуть склоняясь, потому как намного выше. Пальцы вцепляются в подбородок, заставляя поднять голову. Желто-зеленые глаза смотрят внимательно, однако мне и без этого зрительного контакта ясно, что шутливый тон – всего лишь маска. Дядя вообще крайне редко говорит просто, без наигранности и двусмысленностей. Впрочем, эта черта характерна для всех ипериан. Мама тоже была такой. Вызывающей, дерзкой. А уж на какие провокации пускалась, чтобы добиться своего… В итоге это стоило ей и отцу жизни.

– Верно, – покладисто подтверждаю, отгоняя от себя грустные мысли. – Можно мне идти к себе?

– Иди, – разрешает иперианин, выпрямляясь и откидывая за спину толстую зеленую косу, скользнувшую со спины впе-

ред, когда он наклонялся.

– Завтра церемония, – напоминает рооотонец, которому на ухо один из придворных что-то шепчет.

– Выспись, – советует первый, подталкивая меня в сторону лестницы.

– Наряд в гардеробной, – предупреждает второй, отстраняя советника и отрицательно мотнув темноволосой головой, видимо ответив на заданный вопрос.

Наверное, излишне поспешно, но лишь потому, что стараюсь избавиться от неприятного общества, я поднимаюсь наверх. Приподнимаю длинную юбку, шагая по ступенькам, и улыбкой благодарю служанку, которая меня сопровождает, удерживая в руках светильник. Свет от него падает только на пол, чтобы я не оступилась, и поэтому не разгоняет господствующего в помещениях сумрака.

Это только холл относительно хорошо освещен, хотя дядя Джаграс постоянно твердит, что это не освещение, а издевательство. И я его понимаю. Когда-то во дворце было очень-очень светло. Папа все делал, чтобы маме было комфортно. Так что приспосабливаться к зрительному восприятию иперианки приходилось рооотонцам, которые вообще не выносят яркого света. Они даже надевают темные очки, когда над горизонтом появляется Поорс, озаряя своими лучами поверхность Рооотона. Вот и во дворце их носили, подчиняясь приказу императора. С приходом же к власти дяди Юта все в корне переменилось.

Закрыв дверь своей комнаты, почти минуту стою, прислонившись к ней спиной. Ну и зачем убегала, спрашивается? Ясно ведь было, что затея провальная.

Зачем? Да затем, что на эмоциях действовала, в отчаянии оттого, что меня поставили перед фактом! Хотела хоть этим показать, что с моим мнением тоже нужно считаться.

А вот почему дядя Ют, раз уж помог сбежать, не довел дело до конца? Ведь мог бы организовать все так, чтобы я пряталась от дяди Джаграса долго и продуктивно. Так нет же, лишь свободный выход из дворца мне обеспечил.

Ох уж эти политики…

Решительно отталкиваюсь, прекращая мучить себя бессмысленными вопросами. Кто мне на них ответит?

Касаюсь панели на стене, включая свет и радуясь, что хоть в моей комнате его оставили таким, как при маме. В этом и плюсы есть – ко мне практически никто из рооотонцев не заходит и не надоедает. Разве что дядя Джаграс, да еще Лурита, потому что иперианка. Но теперь, поскольку подружку от меня изолировали, она не придет.

Привычно не обращая внимания на изысканный декор помещения, сверкающий в лучах света, льющегося с потолочных люстр, топаю в ванную комнату, а потом в столовую. Торопливо открываю крышку стола и с жадностью набрасываюсь на то, что для меня приготовлено. Есть хочется ужасно! Я ведь, пока в бегах была, ничего не ела!

– Прости, Дейлина, я тебя подвела.

Тонкий, жалобный голосок раздается за моей спиной столь неожиданно, что я давлюсь, роняю вилку и оборачиваюсь.

– Тижина… Это же неприлично… – выдыхаю, когда наконец откашливаюсь.

– Я отвернусь! – тут же спохватывается рооотонка, разворачиваясь так быстро, что красивые длинные черные косы взлетают в воздух и снова падают, закрывая ей спину.

Натужно выдыхаю, поражаясь тому, с какой легкостью девушка, которая всегда строго придерживалась устоявшихся традиций, сейчас их нарушает. Что-то ведь ее на это толкает. Что-то серьезное!

– Ты как сюда попала? Тебя под арест не посадили? – Встаю, выключаю верхний свет, оставляя лишь один светильник, чтобы девушка могла снять очки, и подхожу к ней, потому что в душе снова нарастает беспокойство. Какая в таких условиях еда?

– Не успели, – вздыхает Тижина, поднимая на меня глаза. – Я на балконе сидела и услышала, как охрана обсуждала приказ. Ну и спряталась. Меня сейчас по всему дворцу ищут.

– Так ведь и здесь найдут.

Ее логики я не понимаю, пока не слышу в ответ:

– Я должна тебе рассказать…

– Про дядю Юта? Это он попросил тебя мне помочь? – перебиваю, высказывая свою догадку, и продолжаю, потому что в ее взгляде вижу подтверждение своим словам: – Жаль

только, что истинные планы у него были другими. Транспорт, о котором ты говорила, даже до места назначения меня не довез, сломался в гротах. А если бы меня не нашли быстро, я бы умерла от голода.

– Он был исправен! – изумляется рооотонка. – Я проверяла! И припасы там были, сзади в сумке. И деньги. Что? Не было?.. – теряется, когда я отрицательно качаю головой. – Ой…

Подружка хватается за щеки и оседает на пол. Смотрит на меня в ужасе, тихо бормоча:

– Твоя тетя… Это она. Точно она… Наверное, слышала, как Ют меня инструктировал. Я ее платье видела, потом, когда вниз шла… – сбивчиво объясняет.

Впрочем, мне и так уже все ясно. В первую очередь, то, почему вездесущая и вечно появляющаяся в самый неподходящий момент тетушка вдруг не проявила похвальной бдительности, чтобы меня остановить. То есть получается, что все же остановила, но другим способом. Таким, который сулил мне куда больше неприятностей.

И если в истинных планах дядюшек я еще могла сомневаться, то уж мотивы жены регента-императора для меня прозрачны, как вода. Несмотря на то что тетя Ари всегда вела себя безукоризненно вежливо и корректно, холодность в общении с ней я чувствовала. Она и мою маму не жаловала, и меня не слишком баловала, но опять-таки не давая повода себя в этом упрекнуть. После гибели родителей я дума-

ла, что буду получать от нее больше заботы и внимания, но, увы, мечты не сбылись. Она хочет своих детей, а у дяди Юта, пока он находится на столь ответственном посту, желание совершенно противоположное. Вывод элементарный – тете выгодно от меня избавиться. Если управление Объединенными территориями перейдет от Рооотона к другой планете, дядя наверняка осчастливит свою жену потомством.

По всему выходит, что в планах дяди Юта все же было посредством моего побега отсрочить грядущую передачу власти. Потому он и расстроился. Ему терять политические рычаги управления не хочется.

А вот дяде Джаграсу правление рооотонцев явно не по душе. Тут и общественные мотивы играют роль, и личные. Первые наверняка основываются на том, что Рооотон является планетой – столицей империи уже больше шестидесяти лет, а наследница достигла соответствующего возраста. Пора власть менять, определенно пора! Ну а вторые касаются того факта, что дядя до сих пор не женат. А ведь ему три года назад исполнилась сотня! Выбрать в жены рооотонку он даже в мыслях не допускает, а на Ипер не улетает, потому что связан обязательствами по опеке. Мне же дядя Ют летать на космических крейсерах запретил, после того что с родителями произошло.

Тижина уже ушла, скользнув в маленькую дверь для прислуги, а я еще долго обо всем этом размышляю. Даже оказавшись в кровати, не сразу засыпаю. Сначала нервничаю, пред-

ставляя себе завтрашний день. Потом вспоминаю бледное лицо, сиреневые глаза и белые волосы цессянина, голографию которого дядя мне показал, прежде чем поставить перед фактом сделанного им в мой адрес предложения. В итоге отвлекаюсь на шорохи и тихое поскребывание, словно кто-то ползет, царапая коготками каменное покрытие. Впрочем, звуки привычные. Это Рооотон. Тут много мелкой живности, которой вертикальные стены не помеха. Те же шигузути, например…

Два года назад я была счастлива. С легкостью вскакивала с кровати и первым делом бросалась к вильюреру, чтобы проверить входящие сообщения. Поступали они с задержкой – расстояния слишком большие, да и связь с кораблями, ушедшими в подпространство, невозможна, пока они снова не окажутся в физическом мире. Однако родители отправляли мне письма регулярно и при первой же возможности.

Открывая послания, я с нетерпением читала медленно проявляющиеся символы: «Стартовали с Ипера. Через два часа будем в точке перехода. Поездка была замечательной! Целуем тебя, малышка. Надеемся, ты хорошо ладишь с дядей Джаграсом».

Снова ждала новостей, пока не получала: «Вышли в нормальный космос без кораблей эскорта. Их, видимо, снесло со спирали. Ждем, пока они найдутся. Не волнуйся, пространство чистое, спокойное».

Однако же я нервничала, дожидаясь оптимистичного: «Все крейсеры на месте, к нам присоединились. Мы снова под защитой. Летим домой».

И наконец: «Пришлось снова сойти с курса, и эта спираль оказалась нестабильной. Но ты не переживай, такое бывает. Зато теперь нас точно ждет последнее погружение, и через три стандартных дня вернемся, доченька. Надеемся, подарки ты приготовила? Обещаем, твое совершеннолетие станет незабываемым. Не скучай».

Я радостно прыгала по комнате, включив всю иллюминацию. Успевают, успевают! Все же не придется откладывать праздник! Это замечательно!

Схватила с полки шкатулку. Подарки? Конечно, готовы! Я их своими руками сделала. Маме – браслет из крошечных раковин, которые собрала на берегу. Папе – выполненный в том же стиле фиксатор для стилуса. Им точно понравится!

– Дейлина…

Быстро захлопнула крышку, едва успев спрятать свои сокровища.

– Дядя! – развернулась, бросаясь ему навстречу, и замерла, не в силах понять мрачного, тяжелого взгляда обычно смеющихся зеленых глаз.

– Они не прилетят, – хрипло проговорил он. – Эскадра попала под удар боевых кораблей лансиан. Все погибли.

Погибли…

Отчаяние и боль тугим обручем сжимают горло, не поз-

воляя ни говорить, ни дышать. Тяжелым камнем ложатся на грудь, останавливая сердце. Реальность исчезает в мутной пелене слез. С судорожным всхлипом я втягиваю воздух…

И просыпаюсь.

Несколько секунд всматриваюсь в окружающий меня мрак и успокаиваюсь. Не так уж часто в сновидениях я вижу самый страшный момент моей жизни, переживая его вновь. Определенно это из-за того, что слишком много вчера нервничала.

Постепенно дыхание начинает выравниваться, слезы перестают литься из глаз, только давление на грудь никак не желает исчезать.

Нащупав на стене панель, я включаю свет и тихо смеюсь, стирая мокрые дорожки со щек. Мне не от горечи воспоминаний тяжело, просто на моей груди, уютно свернувшись, лежит черный комочек.

– Ты здесь откуда? – спрашиваю, недоумевая, как же он пробрался в комнату, если решетка на окне плотно задвинута?

Шигузути приподнимает голову, смотрит на меня с неодобрением и прищуривается. И такой упрек в его взгляде, что я, не задумываясь, приглушаю освещение. Малыш же, благодарно курлыкнув, зевает, потягивается, смешно вытянув лапки, и, царапнув коготками по моей спальной сорочке, вновь сворачивается, закрывая глазки.

– Э нет, так не пойдет! – не соглашаюсь я с его намерени-

ями. Осторожно поднимаю расслабленное тельце и сажусь, нащупывая ступнями тапочки. Медлю, решая: сразу отнести его к окну и высадить на внешний подоконник или позже. Любуюсь на доверчиво прильнувшего к руке шигузути и решаю – оставлю. В таком состоянии он вряд ли удержится на узком выступе. Свалится. Не разобьется, конечно, но стресс получит. Так что пусть досыпает. Правда, без меня.

Устроив малыша в углублении матраса, все еще согретого теплом моего тела, берусь за вильюрер, чтобы определиться с планами на сутки. И дядя Ют и дядя Джаграс, памятуя о своих обязанностях (первый – общественных, второй – опекунских), пунктуально заполняют мое расписание. Занятия с учителями, поездки, прогулки, примерки, бывает, даже приемы пищи – все с их разрешения и под бдительным контролем. Периодически в графике появляются указания тети Ари, но не часто, и обычно они касаются воспитательных бесед. Иногда строчки расписания вообще остаются пустыми, и это означает, что я сама могу распоряжаться своим временем. Но такое счастье выпадает мне крайне редко. Обычно все занято полностью.

Открыв блокнот-планнер, понимаю, что сегодня именно такой день. Свободных минут у меня не будет. Ну разве что те, которые остаются до начала сумасшедшей гонки, потому что проснулась я раньше первой позиции в списке запланированных дел. И трачу я эти минуты на водные процедуры.

Безумно люблю воду. Обожаю. В любом виде. Теплую

и холодную, бьющую жесткими струями и зависающую вокруг меня легкими каплями… И самое большое мое разочарование заключается вовсе не в неумении слышать и издавать ультразвуки (без них мне как-то даже спокойнее) и не в невозможности видеть в темноте (хотя, конечно, приятного мало), а именно в том, что я не имею способностей зоггиан к кожному дыханию. Ах, как это было бы великолепно – нырнуть в осязаемо-плотную глубину и плыть, долго-долго не поднимаясь на поверхность!

Именно это и делаю, с поправкой на то, что объем водного бассейна у меня совсем маленький. Лежу на дне до тех пор, пока не захлебываюсь и не выпрыгиваю, шумно и громко отфыркиваясь, откашливаясь и ругая себя последними словами.

Не зря дядя Джаграс сказал, что я потенциальная утопленница. И не без основания дядя Ют не пускает меня на Зогг. Я там точно утону, тренируясь делать то, к чему у моего организма нет адаптации! У бабушки Цафи они были, а вот у мамы, как и у меня, исчезли. Вернее, так и не проявились. Как и у всех тех, кто вступал в смешанные браки.

Это беда нашей маленькой империи. Идея прадедушки Фориата – объединить планеты и их жителей, закрепив политико-экономический союз династическими браками, – поначалу казалась выгодной и успешной. Она сплотила и породнила Зогг и Ипер, затем привлекла Рооотон, а теперь все и губит. Ведь именно узнав о последствиях межрасовых бра-

ков, больше ни одна звездная система в нашем секторе Галактики не желает присоединяться к Объединенным территориям.

И, кстати, тем более странным и непонятным выглядит предложение Цесса. Их принц, он же по совместительству будущий император, не боится последствий? Или же экономические выгоды задвинули на задний план перспективу иметь неполноценных детей? Или, может, он сам какой-нибудь ущербный?

На мгновение я замираю, забыв про полотенце, которым высушивала волосы. Припоминаю все, что учитель рассказывал о королевской династии Цесса, и, не обнаружив в своих познаниях ничего подтверждающего подобное предположение, пожимаю плечами и продолжаю вытираться. Да вроде нормальный он. Чистокровный альбинос, с безупречной родословной, единственный сын в королевской семье, где есть еще две дочери. Стоп!

Ухватив мысль за хвост, я вновь зависаю, едва не выронив из рук приготовленное на сегодня платье. Единственный! То есть нет на Цессе других прямых наследников правящей династии! А это значит, что после смерти нынешнего правителя он сам станет королем, а потом своему сыну должен будет передать бразды правления! Но если тот родится неполноценным, цессяне его не примут, взбунтуются и потребуют смены династии. Зачем же принцу такие проблемы? Наоборот, он всячески должен их избегать! Не понимаю.

Со вздохом заканчиваю застегивать черный ажурный корсаж, оправляю спадающую мягкими складками юбку, усаживаюсь за туалетный столик и с сомнением смотрю на распущенные волосы. Они у меня длинные. Очень. И обычно мне подруги помогают. Но сегодня придется справляться самой, хотя это и не самая легкая процедура, с учетом того, что мне именно прическа нужна, а не что-то простенькое типа хвоста или кос.

Только берусь за расческу, как дверь за моей спиной открывается, и в зеркальном отражении я вижу…

– Лурита! – радостно взвизгиваю, оборачиваюсь и тут же усмиряю свой порыв. Потому что следом за изящной фигуркой подруги появляется куда более массивная, грузная. Складывает руки на груди, прислоняется спиной к стене и сердито указывает:

– Поторопись! Так и знал, что ты не готова.

Вот ведь… Сам лишил меня возможности быстро привести себя в приличное состояние, а теперь еще и возмущается!

Однако высказывать дяде то, что думаю, я, пожалуй, не рискну. Хватит с меня вчерашнего выговора. Потому и сижу молча, переглядываясь через зеркало с подружкой, которая, справляясь со своей задачей ловко и быстро, тем не менее с явной тревогой и беспокойством на нашего надсмотрщика посматривает. А едва заканчивает, повинуясь непререкаемому «вон!», исчезает, подарив мне краткий извиняю-

щийся взгляд. Я же в отражении вижу, как прищуривается и поджимает губы дядя, внимательно отслеживая ее действия. И чего опасается, спрашивается? Куда я теперь денусь?

– У тебя осталось десять минут на завтрак, – слышу его голос, однозначно недовольный тем, что я не проявляю ожидаемой от меня активности.

Дядя заходит в будуар, заглядывает в спальню и скептически кривится, узрев творящийся там беспорядок. Оборачивается, выразительно приподнимая брови, и уточняет:

– Девять минут.

Продолжения не жду. Остаться голодной я не хочу! Так что все же успеваю заскочить в столовую и быстренько запихнуть в себя еду до того, как из-за двери раздается громкое:

– На выход!

Старательно задавив желание снова сбежать, воспользовавшись тем самым ходом для прислуги, которым ушла в прошлый раз, выполняю приказ. Одного урока мне достаточно, чтобы не делать глупостей снова. А ведь меня, прежде чем я встречусь с будущим императором и начнется церемония, ждет еще два урока. Один, скажем так, повторение. Того самого свадебного танца, который мне предстоит исполнить в паре с цессянином. Я ведь разучивала его на свое двадцатипятилетие – мама перед отлетом на Ипер сказала, что он мне вскоре понадобится. И так многозначительно улыбалась, что у меня и тени сомнений не возникло, что у нее есть

какой-то план. Не зря же она столько сил приложила, чтобы убедить папу полететь к ее родственникам. Вот только я так и не узнала, что именно она задумала и кого видела в роли моего жениха.

И вот сейчас, выполняя следом за танцовщицей-рооотонкой фигуры, я с грустью все это вспоминаю. Совсем иной была бы моя жизнь и судьба, если бы…

– Дейлина! Ты даже в этом бездарность! – возмущенно ругается дядя Джаграс, когда я путаюсь и останавливаюсь. – Разве так сложно выполнить нужную последовательность движений?

Не сложно. Просто… Не хочется мне их выполнять. Даже одной. Что уж говорить про танец вдвоем?

– Ладно, девочки, стоп! Время!

Новое распоряжение раздается именно тогда, когда мое терпение уже на исходе. Так что, не дожидаясь, когда дядя поднимется с кресла, направляюсь на выход из зала. Здесь слишком пусто, мрачно, темно и гулко, второй урок, несомненно, пройдет в другом месте – имитирующем внутреннее убранство домов на Ипере. Украшенном мягкими настенными покрытиями из зеленых и желтых тканей. Заполненном ажурной, совсем не характерной для Рооотона мебелью. И совершенно светлом.

Крыло официального представительства Ипера на Рооотоне, главой которого является Джаграс Гун он'Ласт, второй принц в королевской семье, – именно то место во двор-

це, куда доступ местным обитателям строго запрещен. Здесь и Лурита живет в маленьких апартаментах, и несколько слуг, которых дядя привез с собой, когда прилетел по просьбе мамы, чтобы я не оставалась без присмотра, пока они с папой путешествуют. Есть здесь и комнаты, которые раньше принадлежали родителям Луриты. Ее мама и моя были подругами еще до замужества обеих. Расставаться не захотели. И судьбы разделили, погибнув вместе.

В рабочем кабинете дяди на столе до сих пор стоит их голография. Две зеленоволосые улыбающиеся красавицы, а за их спинами – статный иперианин и не менее эффектный черноволосый рооотонец в темных очках, на фоне оранжево-багряной зари восходящего над Рооотоном Поорса. И мне кажется, что именно глядя на них дядя становится таким суровым и безжалостным. Он вообще сильно изменился после произошедшей трагедии. Я помню, каким он был, когда к нам прилетел, – жизнерадостным и веселым. Грубоватым в выражениях, как и все иперианe, но оскорблений себе не позволял. Помню, как радовалась его появлению мама, как воодушевленно и с искренним удовольствием рассказывала о брате, которого лет шестьдесят не видела. Причем не в переносном, а в совершенно прямом смысле, ведь именно столько лет назад она вышла замуж за папу и улетела на Рооотон, оставив родных. Как вспоминала о брате, который души не чаял в своей младшей сестренке, и как обещала, что он обо мне будет заботиться так же, как в детстве заботился

о ней.

Дядя именно это и делает, только… не думая о моих желаниях.

– Очень надеюсь, что ты не будешь халтурить и станцуешь с полной отдачей, – подтверждая мои мысли, строго наставляет меня низкий голос. – Это в твоих интересах. Чем быстрее ты влюбишься в цессянина, раз уж он этого желает, тем тебе же будет проще.

Да, дядя и в этом прав. Есть у наших организмов такая особенность. После совместного танца даже те, кто изначально холодно друг к другу относился, начинают сначала чувствовать симпатию, а потом и более сильные чувства возникают. Правда, процесс этот долгий, может на пару десятков лет растянуться. Поэтому лучше, если сначала влюбленность появляется, тогда свадебный танец ее закрепляет и усиливает, превращая в настоящую любовь. Вот только мне рассчитывать на такое счастье бессмысленно. Буду долго-долго ждать. На незнакомой планете, в чужой семье, с иными порядками. И даже поделиться своими мыслями и чувствами будет не с кем.

– Дядя… – не утерпев, начинаю разговор раньше, чем он опускается в свое любимое кресло. – Я могу взять Лурите с собой?

– Зачем? – получаю в ответ предсказуемый язвительный смешок. – Чтобы она влюбилась в какого-нибудь цессянина, а ее дети родились неполноценными? Ты желаешь ей зла?

Или, как обычно, в первую очередь, о себе думаешь? Привыкла к тому, что она с тобой возится? Не переживай, на Цессе найдутся те, кто будет обязан тебя обслуживать и помогать.

Дядя наконец-то перестает искать среди тонких информационных пластинок на полке нужные и все же садится за стол. Несколько секунд хмурится, словно вспоминая, все ли приготовил, и неожиданно спрашивает:

– Что ты знаешь о цессянах?

– Э-э… – Я не сразу понимаю, что именно он хочет от меня услышать. – Независимая цивилизация. В большинстве своем ее представители имеют альбиносный фенотип. Срок жизни очень большой, потому что способности к регенерации высокие. Их планета третья и единственная обитаемая в системе белого карлика Бокус. В настоящее время правит король Дэйль Монт ли'Тон.

– Хорошо. Что еще? – требует неведомого мне результата визави.

– В тридцатом году до основания империи цессяне предприняли попытку захватить Зогг, чтобы сделать его своей колонией, добывать ултриз и наладить регулярные поставки этого ценнейшего топлива на Цесс. Вмешательство флота империан позволило отстоять независимость зоггиан, а в дальнейшем сотрудничество двух планет привело к территориальному объединению систем звезд Эфуса и Фиссо. В шестьдесят пятом году после основания империи цессяне попыт-

ку повторили, заплатив за военную поддержку томлинцам. Империю тогда спасли только совместные усилия флота всех трех планет Объединенных территорий. Рооотон за год до этого вошел в их состав.

– Я не об этом спрашиваю, – морщится, закатывая глаза к потолку, дядя. А когда его взгляд опускается и скользит по голографии, интонации становятся совсем жесткими, а слова привычно грубыми: – Обучила тебя сестричка, на мою голову! Сама вечно лезла в политику, забывая о том, что решать подобные вопросы – прерогатива мужчин. А твой отец в этом ей потакал. Идиот мягкотелый! Умел бы настаивать на своем, и Огина осталась бы в живых. А в составе империи было бы намного больше планет!

– Тех, которые хотели растащить все, что с таким трудом создавалось и накапливалось другими?! – Мое негодование все же прорывается наружу.

Глаза дяди вспыхивают гневом. Страшным, опасным, едва сдерживаемым. Он резко встает, и ножки стула с жутковатым скрежетом прокатываются по полу. Зеленоволосая фигура через стол склоняется ко мне, нависая сверху.

– Не лезь не в свое дело, девочка! – тихо предупреждает. – Тебе мало примера твоей матери? Хочешь повторить ее судьбу?

На мгновение дядя задумывается, затем его губы кривит усмешка, он отталкивается от столешницы и выпрямляется, складывая руки на груди. Смотрит на меня, улыбаясь все ши-

ре.

– Тебя так сильно заботит целостность Объединенных территорий? Их стабильность? Благополучие? Замечательно! Вот и делай то, что от тебя зависит, чтобы этому способствовать! Ведь это твое предназначение – быть гарантом лояльности императора по отношению ко всем планетам, которые уже входят в состав империи. И перестань забивать себе голову иными проблемами, кроме одной, которая должна тебя сейчас волновать, – как побыстрее привязать к себе того, кто в тебя изначально не влюблен. Я не прав?

Покорно опускаю взгляд, принимаясь рассматривать свои ногти. Прав, дядюшка, ты всегда прав. Вот только мне от этого не легче.

– Кстати, я как раз об этом и хотел поговорить. Совсем ты меня выбила из темы своими… вопросами.

Пауза перед последним словом образовалась вовсе не потому, что дядя долго его подбирал. Он просто отвлекся, загружая в вильюрер информацию.

– Разумеется, советовать что-то конкретное я тебе не могу. И вообще не желаю вникать в ваши женские хитрости по привлечению к себе внимания мужчин. Надеюсь, сестра все же хоть чему-то полезному в этом смысле тебя научила. Но помочь учесть возможные нюансы отношений, связанные с институтом семьи и брака у цессян, все же считаю необходимым. Итак…

Новая пауза, и передо мной на столе появляется неболь-

шое объемное изображение. На фоне воздушно-легкого интерьера пастельной зеленой гаммы в кресле сидит худощавый представительный мужчина. Не молодой, но и до пожилого возраста ему явно далеко. Белые волосы гладко зачесаны, сиреневые глаза смотрят уверенно и с превосходством. Впрочем, оно и неудивительно, даже по белоснежному костюму, который отличается особой изысканностью и покроя и отделки, ясно – это отнюдь не рядовой цессянин.

Рядом с ним, по правую руку, опираясь на спинку кресла локотком, расположилась цессянка. Очень красивая. Зрелой, четкой красотой. Изящные формы, облегающее бледно-сиреневое платье, замысловатая прическа, милая улыбка на тонких губах.

Справа от мужчины, вполоборота, потому как оглядывается на что-то невидимое зрителю, стоит еще одна альбиноска. Ростом чуть ниже первой дамы, примерно одного с ней возраста, миниатюрная, но посадка головы не менее гордая, взгляд прямой, открытый. Губки полненькие, я бы даже сказала капризные. Платье дорогое, нежно-желтое. Украшения отнюдь не дешевые.

– Это королевская семья Цесса, – слышу короткое пояснение и вопрос: – Как полагаешь, кто эти женщины?

– Жена и… – Задумываюсь. С первой дамой проблем нет, не сложно догадаться, но другая? На сестру не похожа – тип лица иной, на дочку – не подходит по возрасту. Но ведь дядя сказал «семья». Может…

– Племянница?

За спиной слышится краткий смешок, потому что в ожидании ответа родственник на месте не усидел. Его руки опускаются ладонями на столешницу, чтобы обрести опору, а мои волосы на виске шевелятся от негромкого выдоха:

– Любовница.

– Как это? – Я теряюсь, не понимая, почему термин, обычно используемый в отношении девушки, с которой у мужчины временная физическая близость, дядя применил в совершенно ином контексте. – Разве можно любить сразу двух? Зачем?

Руки исчезают, и воцаряется тишина. В недоумении оборачиваюсь и успеваю заметить искаженное болью лицо. Впрочем, уже через секунду выражение становится презрительным, а на меня обрушивается очередная нотация, словно в наказание за то, что я увидела.

– Зачем?! Она еще спрашивает! Бестолочь! Ты бы хоть подумала сначала! Раз есть факт, значит, имеется причина. И с такой способностью к логике женщины рвутся к власти! Невероятно…

Он демонстративно потрясенно падает в свое кресло. Качает головой, скорбно поджимая губы, и наконец соизволяет продолжить:

– У цессян мальчики рождаются в два раза реже, чем девочки. Ну и, сама посуди, что же делать женщинам, которым не хватает мужей? Оставаться одиночками? А ведь всем хо-

чется семейного счастья, верно? Так что король в этом смысле ведет правильную политику.

Вот как? Любопытно, откуда у дяди такая осведомленность? Численность населения, демография планет, обороноспособность и вооружение – все это не та информация, которую будут держать в открытом доступе, потому что она имеет стратегически важное значение. Ведь в своем большинстве звездные системы находятся в конфронтации и состоянии войны. Может, цессянский принц рассказал?

Задумываясь об этом, я даже об основной теме разговора забываю. Однако мне очень быстро о ней напоминают:

– В общем, на Цессе понятие «любовница» имеет несколько иное значение. То есть официальная любовница, разумеется. Для нее даже статус определен – фаворитка. Кстати, учти, что у принца ее нет. И для тебя это большая удача. После свадебного танца цессянин уже не сможет никого признать своей фавориткой. Ты станешь женой и единственной женщиной в его жизни. А если будешь вести себя умно и покажешь мужу свою заинтересованность в нем как мужчине, то провоцировать других девушек на возникновение к нему временных симпатий он не захочет и неофициальных любовниц у него не будет. Все лишь от тебя зависит. От выбранной тобой линии поведения. Ты можешь как сломать, так и построить свое счастье.

Последние слова он сказал совершенно серьезно. Словно на миг избавился от противоречивых чувств, которые бур-

лили в его душе и толкали то на резкость в общении со мной, то на вполне лояльное обращение.

– Идем, Дейлина. Нас ждут.

Три шага навстречу. Остановиться. Взгляд в пол. Протянуть руку и дождаться, когда по моей ладони скользнут чужие пальцы. Отступить и замереть в ожидании.

Все делаю в точности, как инструктировал дядя, кроме разве что одного: по сторонам, да и на жениха я не смотрю вовсе не по приказу. Просто потому, что иначе не выдержу. Это эмоционально сложно – ломать себя, заставлять делать одно, когда душа стремится к другому. И пусть я сама не знаю к чему, но это точно не брак с цессянином! А избежать его, увы, нет никакой возможности.

– Мы рады приветствовать гостей, присутствие которых в этом зале, пожалуй, самое значительное событие за время правления Рооотона, – ровным голосом начинает церемонию дядя Ют. – Час назад официальным представительством планеты Цесс и мной, действующим регентом-императором, подписано соглашение о территориальном слиянии. С этого момента звездная система Бокус становится полноправным субъектом, входящим в состав империи Объединенных территорий.

Он замолкает, но безмолвие господствует лишь долю секунды.

«Да здравствует империя!» – воодушевленно проявляет

инициативу и ревет заполняющая зал публика.

И вот уже рождаются под сводчатым потолком и опускаются, вбирая в себя все голоса, триумфальные аккорды гимна, впервые прозвучавшего сто двадцать семь лет назад на Зогге и Ипере в честь их объединения. Гладкая, почти зеркальная, а потому отражающая происходящее в зале, поверхность пола вспыхивает яркими красками. Радужные зарницы лижут стены, заставляя рооотонцев щуриться, а всех остальных восторженно ахать и радостно улыбаться. Наверное. Потому что я все равно этого не вижу. Не желаю любоваться устроенной феерией! У меня отнюдь не праздничное настроение.

– Наш праздник сегодня ознаменуется еще одним приятным событием, которое станет новой вехой в истории правления имперской династии, – едва снижается громкость музыки и яркость зарниц, вновь говорит дядя Ют. – Верно, принц ли'Тон?

Получив вот такое своеобразное разрешение, цессянин немедленно оказывается напротив меня. Теперь я получаю возможность в деталях рассмотреть белоснежный мундир, украшенный бледно-зеленой витой тесьмой.

– Совершенно верно, регент-император, – слышу негромкий, приятный мужской голос. – Я с нетерпением этого ждал. Дейлина Мео Мун! – теперь он обращается ко мне. – Для меня огромная честь связать с вами свою судьбу и назвать своей фавориткой.

Сосредоточенная на том, чтобы мужественно вытерпеть эту пытку, я не сразу понимаю, какое именно предложение получила. По залу прокатывается дружное «ох!». На мгновение воцаряется тишина, а затем… Гомон голосов, негодующих, недоумевающих, переспрашивающих, словно мелкое зерно, брошенное чьей-то могучей рукой, отскакивает от стен и возвращается к нам.

– Любовницей?! Да что вы себе позволяете? – вплетает в него свой возмущенный голос дядя Джаграс. Определенно не такой судьбы он мне желал.

Чьи-то сильные руки на моих плечах заставляют отступить, и я оказываюсь за его спиной. Теперь необходимости как-то реагировать на произошедшее у меня нет, и я, с растущим в геометрической прогрессии любопытством, прислушиваюсь к весьма эмоциональным переговорам.

– Сделанное вами ранее предложение, которое было одобрено советом империи, подразумевало иное – династический брак! – гневно обвиняет дядя Ют.

– Я просил о разрешении стать одной семьей. Это то же самое – по сути и смыслу! Статус фаворитки на Цессе фактически равен статусу жены! – парирует несостоявшийся жених.

– Цесс – не империя!

– Разве? – В голосе альбиноса мне слышится насмешливое изумление.

– Я имел в виду, что звездная система Бокус – это еще не

вся империя, – спохватывается регент-император.

– Но имеет те же права, – заявляет принц. – Например, сохранять свои традиции, а также перенимать их у других субъектов империи. Это ведь одно из положений соглашения о территориальном слиянии!

– Но не в отношении того, кем станет наследница! – гневно цедит дядя Джаграс.

– Я же вам объяснял…

– Видимо, недостаточно внятно это делали! – поддерживает родственника дядя Ют.

– Поймите же, – терпеливо пытается донести до них свои умозаключения принц. – Я делаю предложение, выгодное всем и во всех отношениях! Как лицо, заинтересованное в процветании и стабильности Объединенных территорий, предлагаю готовое решение возникшей проблемы, которая, если ее не устранить, погубит империю. А вы не хотите видеть этих перспектив. Мало того, вы их отвергаете!

Он замолкает, переводя дыхание, и, поскольку ошарашенные его напором присутствующие молчат, чуть более спокойно и размеренно продолжает:

– Традиция межрасовых династических браков, которую поставили в основу передачи права управления от одной планеты к другой, с позиции логики оправданна. Была оправданна до тех пор, пока не начали проявляться никем не предвиденные последствия. Исчезновение расовых способностей у наследников перечеркивает все плюсы и становит-

ся психологическим барьером для тех правителей, кто желал бы присоединения своих звездных систем к империи. Однако если внести небольшие изменения, совсем незначительные, которые лишь немного скорректируют процесс передачи власти, оставив в своей основе саму идею… – Цессянин делает весьма эффектную, многозначительную паузу и заканчивает: – В составе Объединенных территорий уже через несколько лет окажется больше десятка новых планет! И ведь что для этого нужно? Всего лишь признать, что наследница будет иметь статус фаворитки, а не жены императора.

Его речь сражает всех наповал. В глазах присутствующих, по крайней мере тех, кого я могу видеть, светится изумление, смешанное с заинтересованностью. Никто не предполагал подобного пути для развития империи. Впрочем, оно и понятно, если социальный институт фавориток, приравненных к женам, существует только на Цессе. Но многие видят в нем шанс. Реальный шанс достичь небывалых высот процветания империи… за мой счет. То есть за счет всех девушек-наследниц, которые будут рождаться у императоров от официальных любовниц. Потому что эти несчастные будут обречены повторять судьбу своих мам. И мне, если дяди не отвергнут «заманчивое» предложение альбиноса, уготована сомнительная честь стать первой такой мамочкой.

А я хочу этого унижения?.. Вот то-то и оно.

Совсем незаметно, на полшага, отступаю. Убедившись,

что мое движение осталось незамеченным, повторяю маневр. Может, под шумок, пока все заняты выяснением отношений, удастся выскользнуть из зала? А там видно будет.

Я успеваю отойти почти на три полных шага, однако порадоваться своей удачливости не получается.

– Ты куда собралась? Церемония еще не завершена, – интересуется приторно-ласковый женский голосок, а в плечи впиваются тонкие пальцы, не больно, но ощутимо сдавливая.

– Э-э… – замираю, принимаясь лихорадочно подыскивать убедительную причину. – Мне надо… В общем, надо!

– Ох, милая, – сочувственно вздыхает тетушка. – Потерпи. Я думаю, совсем немного осталось, – проявляет заботу и… обратно меня толкает. Зар-р-раза!

Я снова оказываюсь за спиной дяди Джаграса, правда, теперь еще и под присмотром тети. То есть исчезнуть по-тихому не вариант. Тогда как избежать незавидной участи? Устроить скандал, чтобы альбинос осознал ошибочность своего выбора и сам отказался от истеричного подарочка? А может, все же дяди расценят наглость цессянского принца как оскорбление и сами ему откажут?

Вновь сосредотачиваюсь на беседе.

– …только на первый взгляд выглядит весьма перспективно, – дядя Ют продолжает свою речь, начала которой я не услышала.

– Однако, насколько мне известно, статус фаворитки, в отличие от статуса жены, бывает недолговечным. Верно? – под-

хватывает дядя Джаграс. В голосе такая явная насмешка, что мне, несмотря на непонимание намека, все равно радостно становится. Неужели не отдадут?!

– Да, от официальной любовницы можно отказаться. Но кто же в здравом уме так поступит? Ведь это будет означать потерю статуса императора, – чуть заметно, но все же теряет самоуверенность принц.

– Пока имеется возможность управлять империей, согласен, никто так не сделает. А в дальнейшем? – не сдается дядя. – Когда дочь, новая наследница, достигнет совершеннолетия и право управления перейдет вместе с ней к правящей династии другой планеты, что тогда? Бывший император тут же откажется от теперь уже ненужной ему любовницы, – резюмирует довольно жестко.

Несмотря на его тон, в интонациях цессянина я слышу облегчение.

– Ах, вот вы о чем… Но ведь и в отношении фаворитки предусмотрены гарантии. С ней жених танцует во время свадебного ритуала, после танца с невестой. А это, как вы понимаете, не только подтверждает серьезность намерений, но и навсегда закрепляет психологическую связь между ними, в отличие от временных контактов с любовницами неофициальными.

– Однако до этого момента отказ возможен? – уточняет дядя Ют.

Стараясь делать это незаметно, выглядываю из-за широ-

кого плеча и успеваю заметить, как принц неохотно кивает. Не нравятся ему такие вопросы. Впрочем, отмалчиваться и позволять собеседникам приходить к иным выводам, нежели те, что им запланированы, он, видимо, не умеет. Потому что на присутствующих тут же обрушивается новая порция аргументов. На этот раз совсем не абстрактных, а очень даже конкретных. Предельно откровенных, я бы сказала.

– Для любой династии важнее всего сохранять преемственность. Мне нужен наследник с идеальными расовыми способностями, только тогда его примет народ Цесса. А для этого моя жена должна быть цессянкой. Именно поэтому я не имею морального права предлагать Дейлине этот статус. Но, поверьте, быть фавориткой ничуть не менее почетно. У нее будет все, что она пожелает. Дом, семья, даже моя любовь, когда закрепится связь между нами. Любовь, от которой я уже не смогу отречься. И первая же родившаяся от нашего союза девочка станет новой наследницей.

– А как же сыновья? – интересуется дядя Ют.

– Обычно сыновья от фаворитки, даже со способностями, могут претендовать на право управления планетой, только если нет сыновей от жены, – совершенно буднично поясняет цессянин. – Не думаю, что в нашем случае нужны исключения. За ними можно законодательно закрепить обязанность заботиться о сестре. Впрочем, мне кажется, что это станет для них лишь формальным требованием, если они будут следовать вашему примеру, Джаграс Гун он'Ласт. Мой отец все-

гда с восхищением отзывался о той преданности и любви к Огине Мео Ритон, которые лежали в основе всех ваших поступков. У меня нет никаких сомнений в том, что все мужчины – наследники имперской династии будут достойными преемниками вашей верности!

Слова пафосные, красивые, льстивые даже. Вот только почему мне в них слышится какой-то странный намек? Словно цессянин что-то знает и вот в такой своеобразной форме ставит об этом в известность. Но как же интересно! Что имел в виду принц? Сказанное больше похоже на своеобразный шантаж, нежели неловкий комплимент. Эх, жаль, я не вижу лица дяди! Зато прекрасно слышу резкий, грубый ответ:

– Не вам об этом судить.

И снова я позволяю себе выглянуть, чтобы хотя бы по косвенным признакам понять причины этого негатива. Вот только инициатива обходится мне дорого. Сиреневые глаза принца впиваются в мое лицо. И это заставляет дядюшек вспомнить, что они вовсе не на дипломатических переговорах, а на церемонии, которая транслируется на всю империю.

Ох, как же умно действует цессянин! Все продумал! Даже о широкой огласке своего предложения позаботился. Ведь если перспективы будут налицо, а регент-император их не примет, население империи может взбунтоваться. И Цесс получит власть… другим способом.

– Мы несколько увлеклись обсуждением, – спохватывается дядя Ют, разворачиваясь ко мне.

Я оказываюсь в эпицентре событий, потому что дядя Джаграс тоже отступает. Вот теперь я вижу его лицо, и в зеленых глазах мне чудится целая буря чувств, порожденных словами цессянина. А может, это просто отблески зарниц? Ведь они по-прежнему раскрашивают стены зала причудливыми картинами.

– Дейлина, ты все слышала… – Под перекрестьем напряженных взглядов я внимаю мягкому голосу регента-императора. – Ты совершеннолетняя и вправе самостоятельно принимать решения. Если тебя предложение Цесса не устраивает, можешь его отклонить.

Ага. Отклонить. Понятно. А дальше что? Гражданская война между планетами? Ведь Цесс своих планов не изменит и не преминет ее спровоцировать. Я в качестве объекта обвинений и ненависти? Потому как все будут винить в происходящем мою неуступчивость. Новый этап муштры и плена на Рооотоне? Я же так и останусь его наследницей.

И не факт, что после всего и в таких условиях я смогу потом выйти замуж!

Кстати… Если мы сейчас танцевать не будем, привязки к альбиносу я не получу и буду не женой, а этой… фавориткой, от которой можно до свадьбы отказаться… Ой! Да это же замечательно! Такой изумительный шанс стать свободной! Нужно будет постараться сделать так, чтобы он меня отпустил. А в каком случае это произойдет? То есть при каких обстоятельствах цессянин отступится от своих амбиций

и планов на императорский титул? Только если влюбится до умопомрачения. Значит, придется постараться и найти ему такую невесту, которая заставит его забыть обо всем, кроме нее самой.

Сложно. И результат сомнительный. Но все же реально. Да и нет у меня иного пути. А если получится, может, и я сумею найти того, кто меня полюбит и захочет видеть своей женой, а не любовницей!

– Я сделаю все, что от меня зависит, если это принесет пользу империи, – скромно опускаю глаза в пол. Вот нечего всяким наблюдательным альбиносам видеть, как в них загорается надежда. А то ведь все планы порушит, если догадается… Стоп! А вдруг у него уже есть невеста? Вдруг она тоже здесь и сейчас, прямо сейчас все закончится?!

От этой мысли, посетившей мою умную голову слишком поздно, чтобы что-то успеть изменить, мне становится не по себе. Даже в глазах темнеет, хотя, казалось бы, куда еще, в зале и так сумрачно. Что в общем-то и мешает мне понять, есть ли среди присутствующих беловолосая претендентка.

– В таком случае нововведения принимаются и будут внесены в законодательный перечень на ближайшем заседании совета на Рооотоне, – с едва заметным вздохом заключает дядя Ют. Неужели ждал, что я откажусь? Или просто жалеет, что придется отдавать императорство цессянину?

– На мой взгляд, правильнее провести его на Цессе, – неожиданно заявляет заметно обнаглевший от успешности

своего предприятия альбинос.

– Совет собирается только на планете – столице империи, – строго напоминает дядя Джаграс, который на подобные выпады всегда реагирует адекватно. – А вы еще не император.

– Ах да… – спохватывается принц.

Он неожиданно отступает, оборачиваясь к стоящим за его спиной сопровождающим, а через мгновение уже шагает ко мне, протягивая в ладонях обрамленную веточкой мелкой зелени, кажущуюся невесомо-воздушной массу белых лепестков.

Цветок? Я, широко раскрыв глаза, смотрю на чудо, которое для Рооотона вообще нереально. Нет здесь цветущих растений!

– Дейлина Мео Мун, – снова повторяет цессянин, на этот раз не с вопросительной, а утвердительной интонацией, – я, Атиус Рэль ли'Тон, в присутствии свидетелей признаю вас своей фавориткой.

Ясно. Признает. Кто б сомневался, тем более я сама ему на это право дала. Но цветочек-то мне зачем вручать? Или на Цессе это такая же традиция, как и на Зогге? Там, насколько я знаю, растения являются обычным украшением. Их и в волосы вплетают, и на платья крепят. А дарят просто так, в знак симпатии.

Однако не в том я сейчас положении, чтобы задавать вопросы. Да и медлить неприлично, все же официальная цере-

мония. Пусть и не совсем обычная. Правда, я все равно стараюсь забрать цветок, не касаясь рук дарителя. Любое физическое взаимодействие с альбиносом может мне дорого обойтись. Ведь и сама влюбиться ненароком могу. Как ни крути, а наши организмы иногда такие фортели выкидывают. В этом случае возникшая привязанность к цессянину поставит жирный крест на моем плане, который и так небезупречен.

И снова я, стараясь сделать это незаметно, пробегаю взглядом по присутствующим, чтобы убедиться, что потенциальной жены здесь нет, а время у меня еще есть.

– Где же ваша невеста? – вновь подает голос дядя Джаграс, видимо, его этот нюанс тоже интересует. А я превращаюсь в одно большое ухо, хотя и понятно: от моей внимательности мало что зависит.

– У меня ее нет. Я полагал, сначала мне необходимо поладить с Дейлиной. Наличие второй девушки может затормозить возникновение чувств, а ведь они важны, потому что должны стать основой для нормальных семейных отношений.

Ответ принца заставляет меня ликовать. Ах ты ж умничка какой! Предусмотрительный, на мое счастье! Он не только не привез невесту на Рооотон, но даже не имеет таковой в наличии. Ура! Какое у меня широкое поле деятельности появляется!

– Похвальная забота, – на мой взгляд, совершенно искрен-

не высказывает свое отношение к словам принца дядя Ют.

Наверняка поэтому и интонация голоса дяди Джаграса становится вкрадчивой, можно даже сказать сочувствующей, а фразы – утвердительными:

– Значит, сегодня окончательного закрепления привязки не будет. Жаль.

– Что вы имеете в виду? – мгновенно напрягается принц.

Впрочем, не он один. Похоже, никто не понимает, о чем так сожалеет мой родственник. А тот и не думает этого скрывать, потому что охотно объясняет:

– Поскольку сегодня проходит только первая часть церемонии, и она к тому же не является элементом свадебного обряда, значит, вторая часть, которая является признанием за вами статуса нового императора, а за Цессом – четвертой планеты – столицы империи, вынужденно откладывается. На неопределенный срок.

– У империи должны быть гарантии вашей лояльности, а у наследницы – стабильности ее семейного положения, – с готовностью подхватывает дядя Ют. И ведь рад, определенно рад тому, что пока остается у власти!

– Вы правы. – Гневный огонек, на мгновение вспыхнувший в сиреневых глазах, быстро исчезает, на лицо альбиноса возвращается безмятежное выражение. – Однако надеюсь, вы не будете настаивать на том, чтобы моя фаворитка оставалась на Рооотоне до тех пор, пока я не определюсь с выбором жены? Это будет жестоко по отношению к Дейлине.

Мое имя в его устах звучит настолько ласково, словно он уже влюблен по уши и жизни без меня не представляет. Сначала я теряюсь, а потом… Потом понимаю – принц снова работает на публику. Ему в глазах империанского сообщества нужно выглядеть пострадавшим. Ущемленным. Безропотно принимающим произвол нынешней власти.

И попробовал бы регент-император после подобной демонстрации заявить, что меня не отпускает! Да его бы тут же осудили его собственные подданные!

Отличные манипуляторы эти альбиносы! Я хоть и знала об этом (мне мама рассказала многое из воспоминаний прабабушки, которая имела несчастье с цессянами общаться), но знать – это одно, а столкнуться в реальности – совсем иное. А уж наблюдать в деле…

Вот только от дальнейшего наблюдения меня очень быстро отстранили. Официальную часть церемонии закрыли. Приглашенных поблагодарили и отпустили, так ничем и не одарив, потому как повод уже не был столь важным. Озадачили тетушку надзором за моей покладистой персоной и отправили нас в свои комнаты. Обедать. Переодеваться. Отдыхать. А сами переместились в кабинет дяди Юта. Наверняка чтобы обсудить детали, раз уж в целом ситуация прояснилась.

Четыре часа прошло, а я по-прежнему сижу взаперти. Одна. Строчки расписания в моем планнере остаются пустыми,

а из комнат меня не выпускают. Я попробовала было проявить инициативу и прогуляться хотя бы по коридору. А еще лучше по дворцу. В идеале по парковой зоне вокруг него. Но тетя оказалась на своем посту.

– Разве тебе разрешили? Покажи-ка планнер… – Она словно из-под земли возникла, едва я оказалась в дверном проеме. Оттеснила меня обратно, по-хозяйски зацапала вильюрер, открывая программу, и с таким укором воскликнула, словно я на величайшее преступление решилась: – Дейлина! Что за самодеятельность? Куда ты без спроса собралась? Вдруг это не понравится твоему… – Тетя запнулась, пару секунд соображала, как же обозвать принца, и наконец выдала: – Любовнику.

Я вспыхнула. Кровь бросилась к щекам, воздуха перестало хватать, в глазах потемнело. Впрочем, последнее длилось лишь мгновение. В следующий миг лампы ярко разгорелись от той волны возмущения, которая прошлась по мне. Я не взорвалась и не выплеснула свое негодование только потому, что прикрыла глаза, сжала кулаки и заставила себя дышать ровнее.

Спокойно, Дейлина, спокойно. Она тебя не провоцирует, просто не понимает, как это больно. Не зря же говорят, что рооотонцы начинают сопереживать другим, только когда у них собственные дети появляются. А до этого они эгоистичные и думают только о себе, любимых. Браки на Рооотоне заключаются исключительно при наличии выгоды для семьи.

Если же девушка влюбилась, а мужчина уже женат или у него нет ни чувств к ней, ни мотивов взять в жены, тогда он просто пользуется возникшей симпатией. Несколько ночей, проведенных вместе, столько же порознь… И после этого у девушки уже нет такого сильного желания продолжать с ним отношения. А через месяц-другой она даже вспомнить не может, что ее привлекало в бывшем возлюбленном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.